

Александр МУЛЕНКО

ОНИ ОСТАНУТСЯ ЛЮДЬМИ

Альпинистская повесть

Рассказ 1. ДЕТСКИЕ ГОЛОСА

В то душистое, знобкое, дождливое лето я на случайной бортовухе добирался в горно-спортивную обитель «Легенда Саян». В ней, как будто, приютили двоих котят снежного барса. Их мамашка погибла под камнепадом. Пушистых детёнышей подобрали случайные альпинисты, проходившие мимо. В небольшой киношке, показанной миру, перепуганные жалкие зверьки сидели в маленькой клетке и дрожали от страха, прижимаясь друг к другу. Они шарахались от любопытных человеческих глаз, от фотовспышек, от бесноватой собаки, неугомной на язычок. Помимо лая, было слышно безнадежное бляенье овец, предназначенных на убой. В ролике шла высокопарная болтовня о вымирающих диких животных, которых необходимо любить больше, чем домашних. Водила разговорился:

— То место, куда вы стремитесь, называется Шибэту, — белая высокая горная цепь окружила цветущую долину. — В неё не добраться без вертолёт, — признался шофёр. — Правда, спортсмены спускаются туда на верёвках через горные перевалы.

В пути машина дрожала. Дорога — грунтовая, неровная, скользкая. Я всё время держался за поручень и упирался ногами в стенку кабины. Безвольно моталась лишь одна моя тяжёлая голова. От встряски хрустели шейные позвонки.

— Бродяги решают одну загадку, — я промолчал, предполагая сиюминутную развязку его рассказа. — В этом месте, закрытом горами от внешнего мира, проживают дикие лошади.

— Это — ваша загадка?

— А как же... Это — она! Безопасного прохода в долину нет. Теснины, опасности, суровые ледники. Повсюду глубокие трещины, присыпанные снегом. Есть иные угрозы — оползни да камни.

Я согласился:

— Лошади не пегасы. По небу не пролетят.

— Вот-вот, — оживился водитель. — И я повсюду толкую: «Сломают коняги ноги». На этих лошадок в нашем большом открытом мире была охота. Мы их целыми табунами угоняли на мясокомбинат.

— Я догадался. Теперь за кордоном этих великих белых гор, как в крепости, животные — в безопасности. Это же неплохо. Конягам нужен мир. Из каменного цирка живыми их просто не достанут. А преждевременная убойна не стоит вложенных денег. И вряд ли задорого кто-то купит немногую дохлятину, доставленную на вертолёт. Не та овчинка.

— Вот бы нам найти с вами ту потайную тропу в горах, по которой эти бойкие клячи спасаются от смерти, где заходят они в долину и выходят из неё обратно. Тогда бы просто разбогатели. У самого выхода из дола мы бы соорудили загон и привели бы необходимых собачек... И табунами бы гнали пугливых лошадок на тушёнку, — размышлял водитель.

— Увы, я не охочусь, я не рыбачу, я не ишачу ради денег. По миру я собираю разбросанные ранее камни и ценю живую природу за разнотравье, за шёпот ветра, за щебет птиц.

— Вы непрактичны.

Он остановился у водопада. Поток низвергался тонкими нитями по отвесной скале, разбиваясь внизу о камни в мелкую бисерную пыль. В месте падения воды стояла завеса, похожая на туман. Пена, отброшенная к берегу, дрожала. Полосатая радуга висела мостом.

Дорога, лежавшая за речкой, оказалась размытой дождями.

— Далее вы пойдёте пешком. Моя машина заглохнет, газуя на подъёмах. Отсюда «Легенда Саян» уже неподалёку.

Я отстегнул ему «пятихатку», надел походный рюкзак, взял в руки опорные палки.

— Прощайте, водитель. Желаю вам повсюду добра.

— Вверху за водопадом вы, шагая, придерживайтесь речушки. Будет поворот, и сразу за ним появится первая пиковая гора Шибэту. Правее возникнут три или четыре накатанные избушки, столовка, маленький детский клуб, иные удобства... Это — деревянные туалеты. В лагере есть контора. До вашей конечной цели всего-то — четыре километра.

— Спасибо, дружище... Я как-нибудь дотяну.

Машина умчалась обратно в цивилизацию.

Легко было ответить шофёру: «Я как-нибудь дотяну». Мне уже за пятьдесят. В такие годы сердце у человека колотится на износ.

Повсюду синели васильки, белели ромашки, атели горные маки, но уже за поворотом к снежной горе у меня появилась одышка. Я двигался против ветра, и несмотря на окружение леса и чудесные запахи соцветий, воздух, спускающийся с вершины, был разряжен.

В детстве мне показали родник и сообщили: «Это ключевая вода. Она укрепляет силы. Ты мимо не проходи. Напейся». С тех пор я всякий раз склоняюсь перед непорочностью недр и целую каждый источник. Пресная вода — богатство природы, её разведка ведётся даже сегодня в нестабильное время экспериментов.

Появился ледник. Могучий тяжёлый лёд тихо потрескивал, ломая породу скал. «Здесь начинаются реки», — подумал я. Дрожали ноги. Холодный пот из-под мышек покатился по телу. Истуканами громоздились стены великих гор. Молчаливые исполины из вечности равнодушно глядели на слабого человека, шагающего к ним. Со мною случился приступ горной болезни. Чтобы очухаться, я подошёл к ручью и сделал привал.

Сию минуту меня окликнули детские голоса.

— Дедушка, тут опасно...

Позади стояли подростки. Мальчишка, одетый в синюю пуховую куртку, девочка — в красную. Она была выше его, постарше, но держалась не столь уверенно, хотя не робко.

— Здравствуйте, дети, — ответил я.

— В самом деле, дедушка, тут нужно бояться, — повторила девчонка.

— Но вы же в себе такие уверенные, твёрдые, смелые? Я это вижу...

— Да... Мы знаем, чего бояться, — важно добавил мальчишка.

— И я узнаю... Чего же?

Он выглядел, как начальник. Из-под расстёгнутой куртки виднелся модный пиджак, под ним светились сорочка и, что меня удивило более всего, длинный широкий галстук. Я и доныне не знаю, как его повязать. Значит, ещё не все практические узлы, придуманные на свете, изучены мною...

Под носом дрожали свежие лесные цветы. Порхала капустница. Грузно кружился озабоченный шмель, метаясь то к моему липкому от пота лицу, то к ворсистому татарнику, желая разобраться в нектарах, представленных на сегодня.

— Сюда приходит на водопой одна большая медведица, — признался ребёнок.

— Мы спрятались вон за теми серыми валунами, но вместо медведицы появились вы, — известила подружка. — Тогда мы решили открыться, чтобы вас об этом предупредить.

— Спасибо. Теперь нас — трое. Мы — сильные. Медведица отдыхает от страха перед нами, — закончил я эти светлые мысли.

— Нет, кроме шуток, она опасна, — галдели мальцы.

Никто меня до этого случая дедом не величал.

— А как вас зовут?

— Я — Даша, он — Мирослав.

— Даша — моя сеструха. Вы, дедушка, не подумайте что-то дурное. Даше — пятнадцатый год, а мне ещё — двенадцать, но главным буду я.

— Согласен.

— Я вас узнала, — робко сказала Дашенька.

— Разве мы где-то уже встречались?

— Ваша большая фотография напечатана в «Мире животных».

— В журнале, который с бизонами на обложке? — удивился мальчишка.

— Да, в этом журнале на самой средней странице. Он у Елены Петровны в учебном классе — в столе.

— У воспиталки?.. За мною! К Ленке, не тормозите, — приказал Мирослав.

Словно с неба, я свалился для радости ребятни. Они подхватили мой тяжёлый рюкзак и волоком потащили его в обитель «Легенда Саян».

Рассказ 2. «ТРОЯК»

— Какие котятка? — недовольно переспросил начальник турбазы.

Я открыл ноутбук, сослался на ролик. В киношке мелькнула собачья морда. Точно такая же лайка развалилась на пороге избушки.

— Да вот же она, — я показал на собаку рукой.

— Это — котятка?

— Нет. Это — Ронда, — поправила Дашенька. — А есть Акташ.

Девочка держала литературный журнал, в котором напечатали мой портрет и рассказ «В опасном кулуаре». Мирослав потянул журнал к себе.

— Ты уже прочитала. Отдай его мне... Надо — по справедливости.

— Нет, не отдам. Я взяла его всего на одну минутку и уже должна вернуть обратно в руки хозяйке.

— Где Елена Петровна?.. Люди, найдите Ленку, — крикнул мальчишка. — А то Дашка порвёт её журнал.

Их наставница вышла на детский крик. Я был ошарашен:

— Лена, это ты?

— Да, это я. Саша, я увидела твой повсюду заштопанный рюкзак, он возле порога, но всё равно не верю глазам.

В избушке стихло.

— Ты знаешь этого человека? — удивился начальник турбазы.

— Да... Это — мой бывший ученик и помощник.

Даша захлопала в ладошки.

— Вот как? Я было хотел его прогнать.

— Вы помните, я рассказывала про крысу? — спросила Лена. — Саша её хозяин.

Он — самый известный в мире природовед и крысовод.

Это была неправда, но спасатель повернулся ко мне лицом и ответил на мой вопрос: — Твои котятка уехали в зоопарк. Они в Новосибирске.

Я оплатил своё проживание на турбазе, застраховался. Остался на десять дней. Вечером в одиночку колот дрова. Чурбаки поддавались не сразу. Их древесина была извилистой, твёрдой. В работе я использовал клинья, кувалду, тяжёлый колун. Едва поленья становились пригодными для растопки, их подхватывали зубами собаки и уносили до печек. Акташ метался к бане, а Ронда — на кухню.

Кушали в столовке. Капризные ребятишки ели горячую выпечку да сгущёнку. Я же питался по-настоящему. Под ногами возились собаки. Они боролись за лучшую рыбу. Жрали её сырой. Бывало, Акташ одолеет Ронду, захватит самый большой кусок рыбыны, утащит куда-нибудь в уголок да не доест и воротится за новой долей. Сестрица немного порычит, поартачится, укусит Акташа за нос, но уступит. И смотрит растерянно то на меня, то на Лену, то на Дашеньку не жалости ради, а справедливости. Подрагивает закольцованный хвост. В такие минуты Лена поднималась из-за стола и отбирала у Акташа лишнюю рыбу. Кормила ограбленную Ронду сама. Потом подолгу смывала с рук неприятные рыбные запахи и с опозданием доедала свои остывшие оладушки.

Несколько лет назад в городском хозяйственном магазине я встретился с молодым человеком, который вертел в руках забухтованную верёвку. Флиртуя, он задал продавице вопрос:

— Эта верёвка годится для альпинизма?

— Конечно, — улыбаясь, ответила женщина.

Мечтать о возвращении в горы я уже не смел. В том году у меня случился обширный инфаркт, болело разбитое сердце, ломило ноги. Эта верёвка была предназначена для развешивания на ней постиранного белья — тонка, ненадёжна. Я бы промолчал, да парень обмолвился:

— Я поведу за собою в горы детей.

Человек, готовый купить верёвки для занятий альпинизмом, не видел их никогда. Он имитировал подвиг перед привлекательной дамой и хотел на минутку прославиться в её глазах, как те герои, которые ежедневно вертятся на телеэкранах в голубизне надуманных передач.

— Это плохая верёвка, — буркнул я. — Она порвётся.

— А какая верёвка не порвётся?

— Только не эта... В хозтоварах такие верёвки не продаются, — человек начал выпрашивать, где они могут быть. Я ответил довольно жестко и грубо. — Какой из тебя тренер по альпинизму, если ты никогда не видел настоящих верёвок? Дети до восемнадцати лет ходят в походы только с отписки их родителей и то на самые лёгкие маршруты, где верёвочная страховка не нужна. Кроме этого, чтобы стать инструктором альпинизма, нужно иметь второй спортивный разряд и обязательно сдать экзамены

для работы с молодёжью.

Такой была Лена. Она изменилась, стала тяжеловесней. Я вспомнил бешеную лавину и тайно подумал, что сейчас мы от неё не удрали бы, не спаслись. Стремительно движется снег, прессуя воздух...

— Ты была замечательный инструктор.

— Я на сегодня — простая воспиталка, — призналась Лена. — Свои детишки у бабушки. Они малы для походов.

— Даша и Слава тоже малы.

— Да, это так. Но я должна научить их чему-то важному. Мне платят большие деньги.

Даже в таких бесконтактных видах спорта, как волейбол или шахматы, есть элемент агрессивности. Желание увидеть партнеров поверженными, пожалуй, самое главное в состязаниях. Но в альпинизме другая этика. Все участники походов должны возвращаться здоровыми, целыми. Прежде чем отправиться в дорогу, во время всеобща будущего туристы получают уроки, необходимые для выживания в горах.

— Тема нынешнего занятия: оказание помощи подручными средствами. Ваш товарищ упал. У него — скелетная травма. Спасайте, — распорядился глава турбазы.

— Славик, ты — пострадавший, — велела Лена.

— Я же — самый лёгкий, — грустно ответил мальчик.

Он валялся на травке, ожидая учебных процедур.

— Итак, мы — в горах. У нас веревки да ледорубы. Саша, какие признаки переломов у пострадавшего человека?

Я подыграл.

— Гематома, отечность, перекошенное от боли лицо.

Лена осторожно прикоснулась к мальчишке. Он взялся елозить, смеяться.

— Мне щекотно.

— Лежи и не рыпайся, — приказала училка. — Предположим, что выше твоего возможного перелома находится рваная рана. Из неё вытекает чёрная липкая кровь. Нужна тампонада, — решила Лена. — Если бинтов в наличии нет, то мы используем детали одежды или мягкую игрушку.

Она потянулась к Дашеньке за плюшевым гусем.

— Нет, я его вам для мучений не отдам, он тоже имеет душу.

— Мы же понарошку.

Один знакомый врач перед моим отъездом помог собрать аптечку.

— Возьмите бинты, — предложил я.

Славка ворчал. Вместо проволочных шин к его ноге приладили ледоруб.

— Мне неудобно, — буркнул мальчишка. — Вяжите быстрее.

— Саша, он плачется.

— А ну-ка кайся, — накинуся я на Славика. — Чего тебе не хватает?..

— Вашей расторопности.

Когда спеленатого мальчишку мы отнесли к начальнику лагеря для учебной оценки, он поставил «трояк».

— Вы позабыли про подстопник, — сказал спасатель. — Ногу ему придётся отрезать.

— Ну вот, — рассмеялся Славик. — Подпрыгну, сама отвалится.

После учебных занятий я плющил старые металлические банки. Дети их уносили в контейнер с немногим металлоломом. От работы излишне бойко стучало сердце. Но «горнячка», моя болячка, прошла.

— В твоей походной аптечке много таблеток, — увидела Лена.

— Я — инвалид, я — не спортсмен. Артрозы, артриты, грыжи, бывшие переломы. И ко всему — диабетик.

— Это — редкий букет болезней для альпиниста.

— Вторая группа. Хоть шерсти клоч от нашего государства, для которого я себя растратил... Имею бесплатный проезд на электричках.

— А где же твои цветные верёвки?

— Я приехал в Саяны как фотограф. Мне захотелось увидеть воочию и отснять котят снежного барса. В большие горы я больше не хожу...

— Ты их, наверно, отдал в подарок тому молодому человеку из магазина? Ты же — бескорыстный и добрый.

— Что ты, Лена, это совсем не так... Как мне было отдать ему свои верёвки и «железяки»? И позабыть про вершины? Он их действительно долго выпрашивал, но, прощаясь, всё-таки заявил, что альпинизмом заниматься не будет, что на свете есть другие походы для детей. Педали, велосипеды, гонки по автотрассам...

— Он, Саша, не понял твои уроки... Такие люди в плену фантазий.

Рассказ 3. МЁРТВАЯ ВОДА

— Её котятка лежали рядом. Бездыханная мамаша не шевелилась, не грела, не кормила свои пушистые чада. Но так ли это сентиментально? В нашей человеческой жизни намного хуже... Два года тому назад один большой немецкий учёный разбился, штурмуя наши горы. Его ледовый молоток мы закрепили на самой высокой каменной глыбе мемориала, открытого в нашем лагере в память об альпинистах, погибших в Шибэту.

Это поведал Сергей Иванович Макеев. Как горноспасатель, он проводил инструктажи и страховал проживающих туристов от всевозможных увечий. Где-то над нами стрекотал вертолёт. Пилоты фотографировали горы. Они же строчили отчёты про нависающие снежные карнизы; про ледники, имевшие трещины; про новые оползни в моренах.

— Как он погиб? — спросила Лена.

— Свернул себе шею.

Отвечая, Макеев беспечно зевнул.

Спасатели не любят бедолаг. Это тяжёлая работа — искать пропавших альпинистов и ближе к ночи принимать их с экстремальных высот на вертолёт, а также нарочито скорбеть в минуты передачи покойников приехавшим за ними родным. Читая скудные данные о погибших в Шибэту, дети притихли, перепугались. Мне тоже стало не по себе.

— Но есть одна догадка! — важно изрёк горноспасатель.

— Это какая? — осторожно спросила Лена.

— Немец встретился с йети, и йети его убил.

— Такого не может быть. Йети в природе не существуют.

— Я лично видел в тот день цепочку огромных следов, уходивших за Белую гору. Полицай, доставленные поближе к трупам с неба, мне ответили так же, как и ты, Лена: «Такого не может быть». К этому времени следы, оставленные снежным человеком, уже исчезли. Их задуло, покрыло снегом. Я так ничего и не доказал полицаям. Слава Богу, что они не обвинили меня в даче неверных показаний, во лжи...

— Как его звали?

— Йети?

— Да нет, не йети... Этого боша.

— Вот же написано... Доктор Шнайдер. По-ихнему — Макс. По-нашему — Максим. Мёртвого человека отрыли мои собаки. Они нашли дорогу к нему через горы по нетающим снегам, по твёрдому фирну. На месте предполагаемой гибели Шнайдера поставили большой деревянный крест. На собственных спинах его немецкие коллеги, всякой учёбы у каждого по десять и больше лет, как ломовые животные, затащили детали этого креста на злополучный перевал. Крест смонтировали. Он стоит и не шелохнётся. И впечатляет монументальностью. Оттуда, от самого креста, видно все наши горные цепи и сказочную долину, где выживают загадочные лошадки.

Почти неделю Мирослав, как заводной, в библиотеке листал уцелевшие советские журналы «Наука и жизнь» в поиске информации о йети, но не нашел про снежного человека никаких материалов и спросил у меня:

— Ты видел снежного человека?

— Не видел, — ответил я.

— Значит, Макеев врёт.

Настали длинные выходные. Вся страна отмечала свою независимость от соседей, объедавших её во время советской власти. Многие работяги из обители разъехались по домам, когда Макееву сообщили пренеприятнейшее известие. В эти праздничные дни на турбазе объявятся визитёры из Государственной думы. Вокруг поднялся нездоровый ажиотаж. Уже подлетающим гостям была нужна площадка для вертолёта. Желая не облажаться перед знатью, свою спасательную вертушку Сергей Иванович тут же отправил на краевой аэродром. В угоду чинушам он оставил важный горный район без помощи с неба. К тому же его «стрекоза» после этого перелёта осталась без керосина. Скорой заправки не ожидалось.

Сидя около штаба на скамейке, я случайно услышал разговор Макеева и Лены. Их возбуждённые голоса доносились в полуоткрытое окошко.

— Утром наедут важные люди и случится большая пьянка, даже возможна охота с неба. Шиншилла хочет новую шубу. Зимой её приятели катались на горных лыжах, потом гуляли с элитными шмарами, они их прихватили с собою из Москвы. Пили водку — по двадцать тысяч одна бутылка. Я про такую даже и не знавал. И выпили целый ящик.

— А кто такая Шиншилла? — удивлённо спросила Лена.

— Кажется, сенатор из нашего края.

— Галка?
 — Своею персоной.
 — Ах ты, боже мой... Учились когда-то вместе.
 — Молодая, красивая дама, начальница, похотливая, как и другие её подруги — желанные для любого кавалера. После их отъезда я за ними мусор повсюду неделю собирал... Была зима, а ныне — лето. Блудное время года. Детям ещё не надобно этого видеть. Так что идите, Лена, отсюда в горы...

— Нельзя, — отрезала женщина.
 — Найдёте маленький домик, обтянутый кожей. Он очень похожий на вигвам. В домике есть буржуйка. С собою вы прихватите дровишки, но печку особенно не топите, чтобы не угореть. В лошадиной долине тоже был такой же домик, его неосторожно сожгли.

— Я много дров на себе не унесу, а дети — тем паче.
 — У вас есть дедушка Саня...
 — У человека — большое сердце. Был обширный инфаркт.
 — Он в лагере мне не нужен. Если случится какой скандал, а дедушка Саня может его поднять, то и тебя, и меня, и даже нашего Славика прогонят отсюда к чёртовой матери. Мы с тобою останемся без работы, а мальчишка без лагеря. Дашенька расплачется.

— Но дедушка Саня много дровишек тоже в гору не унесёт. Я не могу его об этом попросить.

— Попросим... поднимет.
 — Не нужно этого делать.
 — Там, в домике, куда вы пойдёте с утра, остались ещё какие-то палки да щепки от прошлых визитёров, да ещё — уголёк. Где-то в дальнем углу припрятана солярка — найдёте. К тому же у Мирослава полные карманы сухого горючего да всяких спичек. В том домике на полу валяется старый борцовский мат и много-много всяких одеялок. Их нужно просушить.

Макеев открыл топографическую карту района, потом пошелестел последними распечатанными картинками горных склонов, стоящих около дороги, ведущей в нашу «командировку».

— А если дети не согласятся? — с последней надеждой спросила Лена.

— Ты только свисти. Они помчатся быстрее ветра.

Через час неуверенно, робко, виновато, не поднимая глаза на меня, на Славика, на Дашеньку, тётя Лена оговорила задачу.

— Завтра мы отправимся в горы с ночёвкой.

— Ура-а! — закричали дети.

— Подъём в четыре утра. Ровно в пять мы собираемся в самых тёплых одежках около немецкого ледоруба, обутые в трековые ботинки на шерстяные носки. Заночуем в маленьком домике, похаживаем на вигвам. Уберёмся в нём заранее, натопим внутри него железную печку, лишние мусор сожжём или зароем в яму. Из домика вынесем на улицу и просушим на солнышке все одеяла. Будет погожий ясный день.

В столовке получили сухие пайки. Ребятишки хватили самое вкусное: орехи, сгущёнку, чипсы, конфеты и прятали по карманам.

Когда настало утро, Лена решила, глядя на детишек:

— Вы понесёте по две полешки, вы — маленькие, а мы с дедушкой Саней — взрослые люди, мы — по шесть, — она хозяйски взвесила свою поклажу и, немного подумав, облегчила её — перекинула мне ещё одно полено. — Ты будешь не против?

— Если оно поместится в рюкзаке, то, конечно, я его возьму.

— Постарайся. Ты же у нас — самый взрослый, самый надёжный. У меня остаётся пять дровишек, у тебя их будет семь.

— Это по справедливости, — поддакнула Дашенька.

«Когда мне станет особенно тяжело, я потеряю это полено», — наметил я.

Оно торчало наружу, притянутое верёвкой.

Мы вышли в путь.

— Дедушка Саня, не отставай! — кричали дети.

Ребятня веселилась, мне было тяжело. Я шёл, не глядя под ноги, шатался и зачастую стоял, опираясь на трости. Лес уже остался внизу. Под ногами стелилась худосочная трава, прижатая ветрами.

— Ты топчешь цветы, занесенные в Красную книгу, — строго сказала Лена.

Мне показали на здельвейсы. Их бутоны были озябшие, слабые.

— Они распускаются?

— Конечно... Но на тебя в обиде.

— Эти несчастные цветочки боятся неуклюжего деда, — трунили дети...

— Он же не знал, что они такая редкость.

Я понял, что буду частенько вспоминать про это в цивилизации, в душном мире автомобилей, в больницах, дожидаясь приёма врачей, и грустить о днях, проведённых в кругу детей на турбазе «Легенда Саян».

Примятая мною трава и жалкие эдельвейсы остались далеко позади. Мы вступили в настоящие горы. Тысячи ручейков бороздили поверхность старого ледника. Он был огромным, но не опасным. Как пистоны, под ним потрескивали камни. Я шагал по щербатому льду, не спотыкаясь, но все же отстал от компании и в одиночестве изучал корявые очертания кручи, за которой Лена исчезла вместе с детьми. Поднявшись, увидел домик. Это была конечная цель сегодняшнего похода. В предчувствии отдыха я споткнулся и упал на широкий плоский камень. Неудачно лежавший в мешке чурбак выпал из рюкзака и ударил по голове.

Около нашей стоянки лежало озеро, образованное после схода лавин. У дальнего берега плавали льдины. Высокие, отвесные скалы за озером сходились наподобие арки, открытой к новой вершине. На пике виднелся крест, установленный в память о Максе, упавшем в пропасть. Пространство, расположенное за аркой, казалось заповедным, как монастырская территория.

Было за полдень. С неба струилось солнечное тепло. От ледника тянуло прохладой. Я сбросил на камни мокрую от пота рубашку.

— Что ты надумал? — спросила Лена. — От тебя пар идёт столбом.

— Пойду окунусь, очухаться надобно.

— А если утонешь?

— Под этим крестом — святое место. Здесь я сегодня не утону.

— Видно, здорово его по башке поленом огрело, — усмехнулся Мирослав.

Доныне я вспоминаю лому в теле от ледниковой воды. Её называют «мёртвой».

Рассказ 4. СУДЕБНАЯ БАЙКА

Тесно было в убогом жилище для путников, идущих в большие горы... Ночью мы отдыхали, не раздеваясь, на единственном кожаном мате, брошенном на полу. Мигала буржуйка, потрескивали поленья. Дети болтали всякие несуразности. Я мирно похрапывал, получая за это толчки то справа, то слева. Болело тело, измотанное днём.

— А кто шиншила на самом деле? — спросила Дашенька.

Информация просочилась. Перед нашим отходом в лагере излишне суетились, обсуждая кремлёвскую элиту, чьи развлечения аморальны. Дети многое понимали из этой пустопорожней болтовни.

— Это такая крыса, — ответил Мирослав.

— Злая, прегрязная крыса?

— Напротив, Дашка... Добрая, чистая, горная крыса, она почти не пахнет и приносит большую пользу.

— Какую пользу?

— Шиншил убивают на шубы для женщин из министерств.

— Это такая польза?.. Галка из Государственной думы тоже имеет шубу из шиншиллы? Да, Елена Петровна?

— Потому она и Шиншила, — подтвердила училка. — Спите, детки, не хулиганьте...

Её настоящая фамилия Петрова. Она сегодня хочет шкуру снежного барса.

— Того одинокого снежного барса, чьи котята в Новосибирске? Его убьют?

— Я думаю, с вертолётки...

— Разве такое возможно, а, Елена Петровна? Ирбисы, кажется, под защитой у государства, — не унималась Дашенька.

— Законы написаны для нас.

— А разве люди в Государственной думе уже не мы?

— Люди из Государственной думы выше, чем мы. У них — оправдание на все поступки.

— Какое?

— Их депутатская неприкосновенность, — отчеканил Мирослав.

Лена растолковала по-своему.

— Барс остался один. Он повсюду ищет свою подругу. Бесится, плачет от несчастной любви, кидается на всяких прохожих. Его любимая кошечка погибла, придавленная камнями.

Я проснулся и подвякнул:

— Старенький, уже никому не нужный ирбиска отныне — социально опасный элемент. Галке надо его убить. Галка — властная женщина.

— Не надо его убить, — тихо промолвила Дашенька, глотая обиду.

Она бы заплакала, да постеснялась излишне бойкого младшего братца.

— Ты только попробуй, Дашка, его убей. Даже если захочешь, то не убьешь. Ты это

ещё увидишь. Ирбис — подвижный и скрытный. Он убежит от всякой погони.

— И тогда его никто, никогда, нигде не поймают, — успокоила Лена.

— Если бы это так... В избушку бы этого барса, к нам бы... Положить его посередине между мною и Саней, — решила девочка. — Я бы его обняла, как плюшевую игрушку, прикрыла бы его ото всех охотников и спасла бы от смерти.

— И согрелась бы с ним в обнимку, — пробормотал Мирослав.

— Ага, — ехидно решила Лена. — Прибудет завтра Шиншилла, достанет из кармана государственный закон «Об ответственном обращении к животным», и нашего барсика повяжут, как беглого зека, и отвезут в Новосибирский зоопарк.

— Выплачивать алименты своим ирбискам, — добавил я.

Дети расхохотались.

— Хотите старую судебную байку про рыжего кота?

— Да, — ответила Дашенька.

— Слушайте и засыпайте, — я начал рассказ: — Была морозная долгая зима. Тротуары, дороги, тропы захолустного городишки сковало цепкими льдами, и не было, пожалуй, такого человека, который бы не шлёпнулся хотя бы раз. Люди сопливили, чихали, осторожно передвигаясь от магазина к магазину. Но хуже было животным. Рыжий ничейный кот ошивался около коллекторного люка. Под его крышкой журчала канализация, теплело. Бывало, в люке ночевали бомжи. Коту приносили «вискас», он кушал. Однажды, желая получше согреться, рыжий кот запрыгнул на капот подъехавшей иномарки. Там было намного теплее, чем на люке. Хозяин машины увидел это животное хулиганство и матюгнулся. Кот испугался, бросился наутёк. Во время побега он поцарапал капот и крыло автомобиля. Водила потратил на перекраску машины много денег и, желая их вернуть, обратился к судьбе. Виновным в порче имущества он предложил человека, который по зову сердца приносил коту свои объедки и покупал ему «вискас». Таких одиноких пенсионеров сегодня очень много. Они ласкают животных, чтобы с ними поговорить.

Дети притихли. Я замолчал. Мне показалось, что моя байка удалась, что все уснули.

— А дальше? — тихо спросила Дашенька.

— Взаправду, что было дальше, дедушка Саня?

— Это был ты? — толкнула Лена.

— Ну, скажем так... В суде меня оправдали. Рыжий кот был бездомным. Я сообщил, что по закону за всех ничейных животных отвечает градоначальник, и поскольку ущерб, нанесённый хозяину иномарки, являлся значительным, то это не гражданское дело, а уголовное. Его расследуют следаки.

— Да, это так, — согласилась Лена.

Когда-то она закончила юрфак, но на работу в суды не подалась. Что-то не получилось, не срослось.

— Я сделал ошибку. Когда открыли настоящее дело против администрации нашего города, то кот исчез навсегда, и это дело закрыли за неимением главного фигуранта. Потерпевшему отписали, что причастность кота к повреждению лакокрасочного покрытия машины доказать не удалось. Методик для проведения такой экспертизы по лапам нет!

— Ты, дедушка Саня, не убивайся, — догадался Мирослав. — Ты ни в чём не виновен. Твой рыжий кот попал в хорошие руки.

Но я-то знаю про эти руки больше. Кота убили, спасая шкуру властелина. Нет рыжего фигуранта, нет и дела про порчу автомобиля... Честь негодного человека была спасена.

Рассказ 5. НЕМЕЦКИЙ КРЕСТ

В горах стояла безоблачная погода. Поутру я раздул остывшую печку и заварганил кипяток. Мои друзья умылись и на скорую руку собрали завтрак. Дети лопали шоколадки да сушёные фрукты, другого кушать они не стали, были капризны. За перевалом грохотал вертолёт. Стреляли с неба...

— Елена Петровна, ты, пожалуйста, выясни у Макеева, кого убили во время охоты, — приказал Мирослав.

— Ты думаешь, барса? — беспокойно спросила Даша.

Рация — важное подспорье в походах.

— Убили барашка, — узнала Лена.

— Это не по закону, — буркнул мальчишка. — За это надобно судить, как за кота.

— Когда они уберутся в свою Госдуму, то мы вернёмся на турбазу, уточним и осудим.

— Я на турбазу, Елена Петровна, не спешу. Может быть, Дашенька? Тогда вы идите вместе с нею. Я отпускаю.

– Нет, Елена Петровна, я хочу так, как все, – обиделась девочка.

– На конфетюшках да на печенюшках вы протянете ноги, – рассердилась училка.

– Мне, Елена Петровна, нужно постоянно следить за младшим братом. Он вон какой непослушный и грозный. Мне приказала мама. Как самой старшей.

Мальчишка загляделся на вершину горы.

– Я хочу поближе увидеть немецкий крест.

– Ладно, – решила Лена. – Мы отправимся к перевалу, но поднимемся в гору не далее вон того огромного валуна. Около него мы сфоткаемся и откроем консервы. На вершину заходить опасно, за нею пропасть.

– Но там находится сказочная долина, – заартачился Мирослав.

Лена ответила туманно:

– Мы вначале отправим к вершине дедушку Саню. Он всё на ней осмотрит и оценит. Ты же не против, Александр Иванович?

Мне не хотелось никуда. Как струны, дрогнули нервы, тут же занули ноги, сдавило сердце, однако отказаться от похода в гору я не посмел. Подъем предстоял затяжной, нудный, но не опасный. Валун, похожий на башню, стоял как будто надёжно. Протоптанная туристами дорожка шла поодаль от его возможного падения вниз.

К тому же Лена развеяла сомнения:

– Ты не волнуйся. Этот камень отмечен на старой совковой карте шестидесятых годов. Он там находится полвека, как врытый.

– Ну, что же. Увидим... Когда выходим?

Около часа мы опустошали свои рюкзаки от лишнего груза, оставляли и набивали в них только то, что считали необходимым.

– Зачем тебе железяки? – спросила Лена у Мирослава.

Тот прикарманил жюмар, инвар с двумя рогами и три муфтованных карабина, забытые в избушке прежними гостями. В его небольшой рюкзачок легла поясная страховочная беседка, тоже чужая.

– На обратном пути верну, – заверил Мирослав, чтобы не выглядеть вором.

– Ты хоть знаешь, на что оно нужно? – спросила Лена.

– Не знаю, но Даша подскажет. В школе она ходила в походы вдоль реки, варила супы и вязала верёвочные узлы. У них в учебном кабинете я видел все эти причиндалы. Ты, Лена, сама-то зачем с собою таскаешь верёвку?

– Это репшнур, а не верёвка. Я его ношу на всякий случай, для того чтобы им что-то поднять или опустить.

– Вот и я на всякий пожарный случай собираю всякие железяки.

Роли распределились. Дашенька отвечала за похлёбки. У неё в мешочках лежали кубики для бульонов и сухари. У Мирослава были котелок, сухое горючее, толстые охотничьи спички. Под конец он накидал в рюкзачок немного угля.

– Зачем? – удивилась Лена.

– А вдруг мы заночуем?

Она улыбнулась.

– Мы же отправляемся ненадолго, но я отмечу вашу победу как восхождение с ночёвкой. Макеев подпишет нужные бумажки, и вы получите первые значки.

В моём рюкзаке лежали мясные консервы, топорик и ножик с набором лезвий. У Лены в поклаже были термоса с горячим кофе

Путешествие началось. Мы осторожно обошли холодное озеро, минули арочный тоннель и, налегая на опорные палки, двинулись в гору. Шаткие камни морены местами были подвижными. Во избежание их сползания мы перемещались осторожно, глядя под ноги. Валун, действительно, оказался достойным для топографии.

– Ты обещала нас сфоткать, – напомнила Дашенька.

Лена открыла рюкзачок, но камеру и рацию в нём не нашла.

– Забыла... Учю чему-то других, а сама – растяпа, – ведущая опечалилась. – Саня, – приказала она, – сидите здесь, – Лена указала нам на плоский скальный выступ на склоне, вне шатких камней. – И ни шагу отсюда... А я обратно. Я быстро. Наша рация осталась на берегу.

Мы попытались Лену отговорить, но безуспешно.

– У меня ведь тоже есть фотоаппарат, я же корреспондент. Я сфоткаю вас у этого огромного камня и на фоне того креста. И на вершине.

– Если рация окажется под водою, то она пиши пропало.

– Нырнёт, как Иванович, – съязвил пацан.

– Ты надо мною не смейся. Ты – мал, – рассердилась Лена. – Такое бывало.

Она оставила на меня свой рюкзак и поспешила обратно в лагерь. Я видел, как Лена исчезла под аркой, как обошла опасное озеро, мелькнула на том берегу. Потом пропала из виду.

И вот случился подземный толчок, за ним – ещё и ещё... Горы посыпались. Валун,

простоявший более века, оторвался от склона и покатился к отверстию, ведущему в лагерь. Он его закупорил, не оставляя надежды на возвращение обратно. Камни морены резко подвинулись. Рыхлые горные верхушки, разбитые грозами, обрушились. Мы увидели, как по фронту соседних белых гор помчались лавины снега, как надломился извилистый ледник. Очертания района стали неузнаваемые, чужие. Но немецкий крест устоял и даже не накренился.

Рассказ 6. ПРЫЖОК ИРБИСА

Камни промчались мимо. Мы лежали, в полной мере не понимая ещё, в какую ловушку угодили.

— Лена дозвонится. За нами прилетит вертолёт, — сказал Мирослав.

— А если не прилетит? А если рация всё-таки утонула? — спросила Даша. — А если в нашем лагере все люди напились до упада водки и не поднимут никакую тревогу?

Это было ясно как божий день, на то и праздник.

— Дети, давайте договоримся, не будем плакать.

— Я не боюсь, — беспечно ответил мальчишка.

В месте, откуда упал валун, осталась яма. В ней мы могли бы укрыться от ветра, но не от снега. Между тем, погода менялась к худшему. Кое-где уже появились настырные тяжёлые облака. Они обволакивали вершины около самых высоких гор и стремились к нашему перевалу. Раньше, бывало, глаза закроешь, спасаясь от солнца, через минуту — уже туман или хуже того — пуржит да воеет. Любое продвижение в пути становится опасным. И никакой вертолёт в такую погоду не подлетит, не опустится, чтобы подобрать попавших в беду. «Если такое случится к ночи, — призадумался я, — то уголь Мирослава не разгорится даже при помощи всех его спиртовых таблеток, и ничто не спасёт нас от холода. Этого угля всего-то четыре жмени. Задует, затушит, накроет нас бурашице, даже в обнимку не уцелеем». И тогда меня осенило.

— Мирослав, мы сейчас поднимемся на вершину горы и срубим этот немецкий крест. Потом сволочём его оттуда сюда и будем греться в этой яме, углубляя её, если придётся заночевать.

Даже в эту минуту дети ещё не оценили всю опасность нашего положения, глядя на окружающий мир через розовые очки. Я им казался уверенным, сильным, надёжным, как сама справедливость.

Ближе к вершине стало морозно. Ветер усилился. Около перевала я приказал застегнуться на все возможные пуговицы, подтянуть на теле все ремешки и подвязать уши у шапок.

— Задует, порвёт одежду, как бумагу. Подкинет тело в небо и бросит в пропасть.

— Дедушка, ты сгущаешь краски.

— Такое уже случалось много раз.

— Хорошо, — согласились Даша и Мирослав.

На высоте в три с половиной тысячи метров над уровнем моря мы выживали без подсказок. Цена ошибки была высокой.

И вот увидели загадочную страну. Внизу местами угадывался лес, лежало озеро. Из него вытекала речушка и петляла по зелёному долу. Виднелась скромная избушка, похожая на нашу — прежнюю. Но оценить настоящие размеры этих географических объектов было сложно. Как на ладони, они лежали рядом, небольшие, а между тем, многие километры отделяли нас от этой сказки. Даже по ровной местности напрямки до наступления ночи в долину было не добраться. Я это понимал, а дети ждали моих решений и верили в мою взрослость. И ужас, они смеялись, потирая щёки тонкими рукавичками, бесслётно спасаясь от мороза и ветра.

Дерево, из которого был сделан крест, поддалось не сразу. Около часа я врубался в сушёную стойку своим небольшим топориком, негодным для валки леса. Крест, наконец, упал. Утащить всю эту громадину за раз, не разобравши на части, было сложно. Для лучшей транспортировки я захотел отделить от него перекладину, да зрячая Дашенька вдруг увидела снежного барса.

— Смотрите! Смотрите! — закричала она. — Это — он.

Ирбис передвигался навстречу подсолнечному туману вниз, не глядя на нас. Я торопливо открыл рюкзак, достал оттуда фотокамеру и на вскидку сделал быстрые снимки. Барс подобрался для прыжка, сиганул через пропасть, следом он помчался за чёрную рыхлую от удара молний скалу, пропал из виду.

— Что я вам говорил, — крикнул Славик. — Ты видишь, Дашка, они его не убили на шубу. Ирбис удрал.

Дети забыли про опасности и побежали к месту прыжка. Я за ними. С обрыва Дашенька увидела пещеру. На той стороне расщелины, через которую прыгнул ирбис, были навешены праздничные верёвки — зелёная и красная.

– Откуда они? – спросила девочка.
– Это немецкие верёвки, – ответил я. – Калининградки.
– Почём ты, деда, про это знаешь?
– Немцы любят порядок. Одна навешенная верёвка является основной, это – красная, другая – страховочной.

– И что?

– А то... Чтобы спуститься на полочку, которая находится под ними, и войти в пещеру, никто из наших безалаберных альпинистов по две верёвки бы не навесил и спускался бы, не страшась, на одной – на красной – на русский авось... Нам бы заночевать в пещере, да туда не добраться...

– Дедушка Саня, а ты сумел бы спуститься в пещеру по немецким верёвкам и нас туда доставить?

Для этого было всё, кроме моста через пропасть.

– Нам бы крылья снежного барса. Прыг – и там. А спуститься по готовым верёвкам в пещеру, я, пожалуй, смогу.

Дашенька предложила:

– Давайте построим мост через эту пропасть из подручных материалов.

– Дашка, какие-такие материалы? – рассердился Мирослав. – Кругом одни разбитые камни да снег. Лучше вернёмся в яму.

В такие минуты не до улыбок, но я усмехнулся.

– Много ты понимаешь, Мирославка, – ответила Даша. – Немецкий крест – это наш подручный материал.

Планы поменялись. Я отказался от ямы в пользу пещеры. Крест к обрыву мы волокли, упираясь телами в его поперечину, я пыхтел с правой стороны, Даша и Мирослав сопели слева. Никто не отлынивал, не хлюздил, не роптал. Около пропасти топориком я-таки отделил перекладину от стойки.

– Ты, Мирослав, говорил, будто Лена с собою повсюду носит какую-то верёвку. Давай-ка откроем её рюкзак.

На дне лежал репшнур – лёгкий, мобильный, но непригодный для страховки тяжёлого человека. Такую верёвку используют для перемещения разного груза из пропастей и в пропасти. Мы перегнули репшнур пополам, его серединой обвязали дальний конец будущего моста, я поднял на попа тяжёлую стойку. Растягивая в разные стороны верёвочные усы, вытравливая их помалу, втроём мы смонтировали тяжёлый брус как мост и по нему прошли через пропасть.

Верёвки великого немца действительно были надёжно закреплены на каменных зубьях перевала. Около часа я занимался с детьми, объясняя им, как правильно применять страховочную систему, как закрепить на ней инвар, как им пользоваться при спуске. Даша раньше два раза каталась по верёвкам с крыши двухэтажки, там было много ротозеев, рядом висел инструктор, и бездна за спиной не ощущалась – просто не было бездны. Отправляя её в настоящую пропасть, я слукавил.

– Мужчины боятся высоты намного больше, чем женщины. Поэтому женщины всегда работают крановщицами на башенных кранах.

– Я справлюсь, – уверила Даша, глотая слёзы.

– Войди осторожно в пещеру и выясни, насколько она большая. Если в ней возможно остановиться для отдыха, то отправь страховочную систему к нам наверх, привязав её к верёвке. Вторым к тебе опустится Мирослав. Прими его на площадку. Потом я опущу детали креста, сниму одну немецкую верёвку и с этим добром прибуду сам.

Девчонка нырнула в пропасть и скоро доложила, что пещера удобная для ночлега.

Рассказ 7. ЛЕНА, АКТАШ И РОНДА

Лена осталась одна. Домик, где мы ночевали, разрушился. Ледниковое озеро вышло из берегов. Рация утонула. Дорога в гору для встречи с нами оказалась закрыта дважды – водою и валунами. Непрístupны, отвесны, вечны стояли окрестные горы. Лена кричала. Но из-за каменного кордона нам было её не слышно. Что она могла донести в такую минуту? О том, что ещё жива? Это, конечно, важное. Мы бы ответили, что живы сами – и всё. И Лена отправилась в обитель за подмогой, да льды, по которым успешно поднимались вчера, сегодня сторбатились и стали непроходимыми. Наша наставница нашла боковую дорогу по крутизне нависающих рядом скал и двинулась по ней без всякой страховки, цепляясь руками за опасные камни, огибая стороной коварный ледник и дикую реку, берущую начало из-под его языка.

Через несколько часов путница добралась до поляны эдельвейсов. За сутки цветы окрепли, приподнялись, развернулись в сторону солнца. Лена спускалась к ним по липкому склону, лёжа на животе, хватаясь голыми пальцами едва ли не за каждую

редкую здесь травинку, ломая ногти о твёрдую землю. Последние метры крутого склона она одолела неудачно, поторопилась и подвернула голеностопы. Ещё какое-то время инертно женщина передвигалась к тропе, ведущей в лагерь. Но ноги отекали, и силы иссякли. Бедолага позвала на помощь у пустоты. Рядом урлила предательская река, глушила голос. Из людей калеку никто не услышал и слышать не желал — великий праздник освобождения России от нахлебников продолжался. Горы уже располовинили солнце. Из рыжего оно становилось красным, росло в размерах, чтобы исчезнуть за окоёмом до утра. Ползти по тропинке стало трудно.

Акташ и Ронда делили рыбу, рычали, кусались, как вдруг Ронда перестала драться и развернулась в сторону заходящего солнца, приюхаясь к холодному ветру, бегущему от сумасшедшей реки. За Рондой насторожился Акташ. Потом собаки дружно заголосили на дверь, за ней резвились праздные люди. На лай никто не вышел, и псы помчались навстречу ветру одни. Стемнело, когда они отыскивали Лену, обнюхали, облизали её лицо и, ухватив зубами за полы одежды, поволокли в обитель «Легенда Саян». Пройдет ещё какое-то время, год, или два, или даже три, эту турбазу переименуют: «Акташ и Ронда».

В самое блудное время суток, около полночи, полупьяная ведьма Галка Шиншилла курила на крылечке штабной парадной избушки, остывая после горячих лобызаний мужчин, отдавших свою энергию в порыве любовной страсти ей одной — депутату из Государственной думы, сенатору, примадонне. Жизнь состоялась. Не ложкой, а жбаном, даже, пожалуй, целым ушатом Галина Анатольевна Петрова черпала счастье, как и все её коллеги по управлению страной. Вертолётчики отдыхали рядом с нею почти в обнимку, когда в ночи послышался призывающий лай собак. Три раза они прекращали транспортировку покалеченной Лены и звали к себе на помощь здоровых мужчин. Шиншилла приказала пилоту:

— Пойди, Андрюшка, узнай, откуда этот шум.

Через несколько минут посланец доложил:

— Какая-то полудохлая, грязная бабёнка-бомжиха ползёт и твердит о детях.

— Кто же о них сегодня не твердит, не печётся? — рассмеялся второй кавалер. — А нам она нужна — бомжиха?

— Похоже допрыгалась, сама уже не ходит. Её собаки тащат.

— Надо помочь, — приказала Шиншилла. Андрюшка мирно ответил:

— Макеев с утра напился и спит.

— А ты на что?

— Я, ваша милость, пилот, а не спасатель.

— Иди и занимайся бомжихой, а то уволю.

Галина Андреевна свысока оглядела Лену. После окончания учёбы на юрфаке они увиделись в первый раз. Шиншилла не сразу узнала свою студенческую подругу. Но Лена напомнила о себе, и Галка переменилась. Она снизошла до воспиталки чужих детей. Второй пилот принёс из вертолёта аптечку. Больную ногу Лене забинтовали. Достали таблетки. Налили горячий чай.

— Пожалуйста, полетайте немного на вертолёте, — просила Лена пилотов. Они зевали:

— Куда?

— До креста в горах и обратно.

Те на это не согласились. Тучи уже всюду ходили по перевалам. Было темно.

— Опасно, — сказал Андрюшка. — Даже при свете дня такие полёты рискованны. Заденешь винтом какую-нибудь скалу, и наших костей повсюду не соберут. Здесь ну-жен Макеев. Это — его работа.

— Будите наших, — приказала Шиншилла. Когда Макеев очухался, Петрова задала ему вопрос: — Здесь бывают землетрясения?

— А что? — испугался спасатель.

— Вчера на кухне в шкафу звенела посуда. Вы были пьяны, вы спали.

— Это — землетрясение, — согласился Макеев. Увидев пострадавшую Лену в бинтах, он догадался обо всём. — Кто приказал посылать детей за перевалы?

— Это моя ошибка, — признался спасатель.

— Тогда вызывайте из области свой вертолёт и звоните ихним родным. Если дети погибли, то я не хочу огласки нашей гулянки. Мы улетаем отсюда в этот час. Лена поедет с нами.

— Я никуда не полечу.

— Так надо, Леночка, лети в больничку, — велел Макеев. — С родными я встречусь первым. И первым приму удары их отца.

— Я буду вторая.

— Может быть, дети ещё живые, — ухмыльнулся Андрюшка.

— В горах-то, ночью?

— Ронда, Акташ, мои собачки, — заплакала Лена, — ищите Дашу, ищите Славу.

Она прикрепила ремнями к Ронде плюшевую Дашенькину игрушку — гуська — и привязала к Акташу аптечку. Прикрикнула на них, прихлопнула в ладоши, лайки помчались в ночь.

Скоро они добежали до места, где Лена упала в лог. Поднимаясь на задние лапы, Ронда скребла ими по отвесному склону, скулила, но забраться наверх не удалось. Тогда псы помчались в сторону ледника. Но и там их дорога оборвалась около пропасти, возникшей после обрушения льдов. Как люди, как птицы, животные имеют цепкую память. Акташ укусил зубами горюющую Ронду за шею. Собаки встряхнулись, переглянулись и помчались в обход большого горного цирка иною троюю, на иной перевал. Три года назад Акташ учуял оттуда далёкий запах погибшего человека. В той спасательной операции брошенные в долину собаки нашли-таки обезображенное тело немецкого учёного-альпиниста. Но тогда они спустились вместе с людьми вниз при помощи верёвок. И только потом прилетел вертолёт. И было утро.

Сегодня ветер дул из-за спины. Стояла ночь, и не было верхолазов. Бегая вдоль обрыва, собаки лаяли в пустоту и, когда слышали слабые ответные крики детей, то бросились с каменной кручи в неизвестность без всякого страха. Внизу оказался разбитый землетрясением снег. Лапы в крови, Акташ и Ронда проложили дорогу в долину бездомных лошадей и лишь оттуда учуяли пещеру, где мы спасались от холода.

Рассказ 8. НЕ ЛЮДИ, НЕ ЖИВОТНЫЕ

Страшили тёмные силуэты. Чернели остроконечные очертания далёких вершин. Как зубы, в пещере нависали сосульки, и казалось, что мы ночуем в пасти чудовища. Сквозило.

Мигая фонариком, Мирослав нашёл небольшую безветренную нишу. Около часа я щепил бывшую перекладину от порушенного креста на мелкие дранки и укладывал их шалашиком в лунку, откопанную руками. Мальчишка подложил спиртовые таблетки. Дашенька подсунула в шалашик бумагу. Мы развели костёр. Когда подкинули уголь, в нашей нише стало теплее. Забывши о конфетах, о чипсах, этой ночью дети уминали тушёнку и чёрные сухари, тянули остывший кофе. Мне тоже хотелось пить. Из камней я построил маленькую жаровню. Подгрёб в неё разгоревшийся уголёк, отбил большую сосульку, висевшую у входа, и положил её в котелок. Когда вода закипела, запарил горький зелёный чай.

— Как это пьют? — удивился мальчишка. — Нужны конфеты.

Я сослался на диабет.

— Лена нам рассказала, как ты поднимался в большие горы.

— Да... Это было когда-то в Ала-Арче и на Тянь-Шане.

— А есть ли в мире ещё такие спортсмены?

— Какие такие?

— Сахарные больные.

— Конечно есть. Самый лучший из них — Пеле.

— Я про это не слышал.

— Мы мазаны спортом. Я ломаю ноги в горах, а он — на футбольном поле.

— Ему ломают ноги его товарищи по футболу, а ты ломаешь ноги по доброй воле, спасая нас.

Даша включила фонарик и удалилась. Вернулась испуганная.

— Деда, у нас — медведи.

Мы с Мирославом расхохотались.

— Тебе от страха, Дашка, повсюду мерещится всякая дикость. Это иллюзия, — ответил братец.

— Медведи, — упрямо твердила Даша. — Они лохматые и вонючие.

— Брехня, — не унимался мальчишка.

— Вы только вспомните барса. Его, между прочем, первой увидела я и не ошиблась.

— Это правда.

— А вы не верите мне. Медведи...

— Верим, — ответил я.

В ночи раздался далёкий лай.

— Это тоже иллюзия? — спросила Даша у Мирослава.

— Это наши собаки.

— Значит, ищут? — обрадовался мальчишка.

— Кричите дружно... Три, четыре.

— Ронда, Акташ, — заголосили ребята. — Лена, Макеев, живые люди... Эй!.. Мы живы.

Я длинно присвистнул, и стихло. Как ветром сдуло собачьи кличи.

- Зачем ты, дедушка, это сделал? – расстроилась Дашенька.
- Ты, Иваныч, не прав, – отчитал меня Мирослав.
- Я же не знал, что собаки так быстро замолкнут.

Детишки подняли капюшоны и скоро задремали, отвалившись на мягкие рюкзаки. Я дежурил, щепил дрова, поддерживал огонь. Время от времени выходил из пещеры на ветер и продолжительно свистел в сторону долины в надежде на слух и обоняние лаек. Первой в пещеру ворвалась Ронда, за нею Акташ. Для блезира они по разу лизнули моё лицо и бросились к детям. Скулили, визжали, катались, играючи, около очага, перевернули котелок. Дашенька увидела мягкую игрушку, примотанную Леной, и отвязала её от Ронды.

Как вдруг собаки агрессивно кинулись в темноту, в самый угол пещеры. Оттуда в них посыпались камни, раздался хриплый сердитый рёв. Я приказал лайкам утомониться. Они отступили неохотно и, уткнувшись в лапы носы, насторожённо лежали до утра, сердито поглядывая в далёкий пещерный угол, готовые к новому броску.

- Я же говорила, что это – пещерные медведи.
- Или что-то похуже, – насторожился мальчишка.
- Убежать мы с вами отсюда не сможем, – ответил я. – Снаружи повсюду пропасти. Но всяким лохматым тварям нас сегодня не одолеть. Они боятся огня. Спите, детки, завтра тяжёлый день.

Их-то я успокоил, а сам с перележку заточил деревянную стойку под кол и отключился, обнимая её, как стражник своё копьё.

При утреннем свете мы увидели тропинку, пролежавшую у нависающих скал. Она была заужена, но частые выступы в горных стенах стали подспорьем для страховки. Вначале побежали собаки. За ними двинулся Мирослав. Его сестрица отшагивала за братом, касаясь его рукой, а я волочился последним, опираясь на тросточки. Только один участок тропинки был немного опасным. Перед ним мы ввязались и проползли его на коленках. Когда великие скалы остались позади, дорога расширилась. В седловине, куда мы вышли, покинув страшную зону, около первой цветущей травинки я оглянулся. Из пещеры появились снежные люди. Неровной цепочкой они отправились в гору. Первым шагал мужчина, за ним его жена. С нею бежал детёныш. В руках ребёнок держал плюшевую игрушку – белого гусика, забытого Дашей в нише, где мы ютились прошедшей ночью.

- Пускай забавляется, – печально вздохнула девочка. – Я его специально оставила им в благодарность за ночёвку.
- Ты же думала, что это медведи? – спросил Мирослав.
- Я уже передумала... Медведи в наши игрушки не играют.

Последними плелись старики. Они опирались друг на друга.

В мире ходит поверье, что сердитые взгляды снежного человека приносят неизлечимые болезни или смерть на скорую руку. От хриплого рева йети все путники каменеют. Но случилось наоборот. Это мы вторглись в чужое жилище и нарушили длительный мир у этих людей, это мы отняли кусочек их земли. А когда развели в пещере огонь, то посеяли в душах у йети страх.

Как беженцы от войны, лишённые крова снежные люди уходили в холодную неизвестность. Найдут ли они другое пристанище или умрут, задутые ветром? Или какой-нибудь вертолётчик увидит их с неба и убьёт ради желчного пузыря или иной здоровой пицци? Или ради тёплой богатой шубы для любимой подружки из Государственной думы. И его не осудят. Йети – не люди. Права человека написаны не для них, а для нас. В Красной книге снежного человека тоже нет.

Рассказ 9. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ

В долине было спокойно. Но домик около озера оказался наполовину разрушенным. В нём когда-то случился пожар. Печка-буржуйка лежала отброшенная к воде. Тут же валялось помятое ведро и большая алюминиевая кастрюля, пригодная для приготовления в ней пищи. В несгоревшей части домика всё оказалось перепачкано сажей.

– Лучше назад в пещеру к снежному человеку на каменные полы, чем в такую квартиру, – высказался мальчишка.

Уже умудрённые опытом, мы построили очаг. Дашенькины бульонные кубики оказались очень кстати. Для смеха я положил в кастрюлю топорик. Похлёбка вышла ужасная. Даша сверлила глазами землю.

– А что я могла состряпать из топора? Я знаю, что это – невкусно. И кушать не буду.

Новая вершина, куда предстояло нам взойти, была покрыта снегом. Топографической карты я не имел, но догадался, что наша турбаза находится именно

за этой длинной пологой горой, похожей на купол. Нужно было набраться сил.

— Это случилось в Париже, Даша...

Мне никогда не давали трибуну для болтовни, и за пятьдесят с лишним лет жизни я не нашёл свою аудиторию. Дебаты мои велись только за право выживания в государстве, где справедливость расписана на бумагах. Но в окружающей обстановке она нисколько не наблюдалась. При каждом лишнем сказанном мною слове мои прорабы сразу затыкали мне рот. Дашенька подняла глаза. Мальчишка тоже отложил свою ложку и приготовился слушать.

— Ты был Париже? — бегло спросил Мирослав. Я улыбнулся.

— Я не был в Париже ни разу в жизни... Я не Морис Эрцог, я слабак. Мне не под силу такие горы, как Аннапурна. Я неудачник. Я никто. Фиеста, дети, это значит праздник. В Париже жил когда-то знаменитый писатель Хемингуэй. Это недетский писатель. Но его герои хлебали такое же пойло, как и мы, из кубиков дряни. Потом они рисовали, писали рассказы, мечтали о великих победах в искусстве и обивали пороги всяких редакций. И были они...

Я замолчал, разглядывая первые облака, побежавшие над нами. Как и вчера, погода менялась не в нашу пользу. Ноги мои уже ослабли, отекли. Болела шея, слепило.

— Какими были его герои? — толкнула Даша. — Ты чего замолчал-то?

— Ах, да... Его герои... Одну минуту... Ребята, до нашего главного лагеря пищи больше не будет. А ну-ка, взяли свои космические ложки и основательно подкрепились... Его герои были счастливыми в нищете.

Мои подопечные молча доели свои порции супа из топора. Остатки я вылил собакам в старые хозяйские миски, уцелевшие в огне сгоревшего дома. Лайки питались вперегонки.

После обеда мы отправились в гору. Как прежде, собаки бежали, угадывая дорогу, впереди. Их лапы сочились кровью. Следы краснели, как маки. Схода лавины я не опасаясь, но соблюдал известную осторожность. Мы поднимались по гребню, не опускаясь в седловину. Словно изюминки в пломбире, на снегу повсюду чернели мухи, осы и жучки, занесённые ветром. Даша увидела бабочку. Она неподвижно лежала на снегу, раскинув крылья. «Какие злые силы тебя занесли на высоту в три тысячи метров?» — подумал я. Девочка положила бабочку на ладошку, подышала... Бабочка шевельнулась, взмахнула крыльями. Но попутного ветра не наблюдалось.

— Даша, пошли вперёд... При резкой остановке движения наша кровь под действием гравитации остается в венозных сосудах ног, и обескровленные мозги быстро чумеют. Эта болячка называется гипоксия. Она опасна. Она — смертельна.

— Я ничего не понял.

— Нельзя же быть такою сентиментальной.

Я забрал у Дашеньки бабочку и положил её в свой карман.

С вершины горы виднелась дорога, по которой на бортовухе я две недели назад приехал в горы. Собаки почуяли лагерное тепло, идущее снизу. Стараясь лизнуть меня в лицо, Ронда упёрлась лапами в мою походную куртку, и кровь её донине ещё видна на ней, как памятная награда. Уже на спуске с горы появилась широкая расщелина, и не было моста. Обойти или перепрыгнуть это неожиданное препятствие мы не смогли бы, да за расщелиной находилась старая бетонная площадка. Когда-то в этом самом месте стояла радиомачта. После последних оптимизаций экономики государства от неё осталась только фундамент и жалкая арматура, торчащая из бетона. Саму радиомачту разобрали и увезли залётные лиходеи. Желая быстро обогатиться, они продали её на переплавку в металлургию.

— Ты лассо когда-нибудь кидал? — спросил я у Мирослава.

— А то, — ответил он, улыбаясь. — Мы играли в индейцев.

— Твоя задача заарканить вон ту железку с резьбой. Она держала когда-то радиомачту. Это — анкерный болт.

Я собрал верёвку колечками для броска. Мальчишка критически осмотрел готовое лассо. Не примеряясь, он его метнул, петля затянулась, обхватывая стержень. К другому концу верёвки я привязался сам и отошёл за зубчатый выступ горной породы. Переправа была надёжна. Мирослав отправился первым. Собаки переехали через пропасть в рюкзаках. За ними — Даша.

— А ты? — спросила она, когда оказалась вместе с братом.

— Дальше вы пойдёте одни и пришлёте сюда Сергея.

— Я никуда без тебя не пойду, тащи меня обратно.

— Тогда держите меня крепче.

Я шагнул с обрыва и безвольно повис, ударившись о склон. В глазах закружились огненные шары.

— Быстрёхонько поднимаем дедушку Саню из пропасти, а то он погибнет! — скомандовал Мирослав.

Меня вытаскивали из бездны, как репку. Детишки хватались за верёвку руками, собаки, толкаясь, тянули её зубами и подняли на-гора. Про бабочку я забыл. Когда мы, наконец, вернулись в лагерь живыми, она покинула карман и, хлопая крыльями, уверенно поползла навстречу свободе.

— Ну вот, мы на травке, бабочка. Мы дома...

В суровом мире насекомым труднее, чем человеку. Повсеместные опасности, хищные птицы, непогода в любую минуту могут приблизить час их небытия. А вдруг я стану таким же маленьким и слабым, как ты, бабочка, в следующей жизни? И спасет меня доброе сердце божества от неминуемой смерти... А вдруг и в этой жизни свершится такое чудо?

Рассказ 10. РАЗГАДКА

Утром я покинул обитель. Около ручья, у того поворота, где я впервые увиделся с детьми, Мирослав меня догнал и спросил:

— Ты взял что-нибудь покушать?

Эдак добрые няньки любя пекутся о подопечных, желая им хорошего дня, и не когда-то, а вот-вот. Так же, поди, провожали в дорогу и самого Мирослава. Мальчишка не был оригинальным в разговорах, но был воспитан в доброй семье. Над нами бежали ватные облака. Беспокойные насекомые, пчёлки, жучки, стрекозы летали, порхали, жужжали и трудились, опыляя молодые цветы. Где-то неподалёку в лесу жила медведица. Мы с нею так и не повстречались.

— В буфете, Слава, я ничего не закупил.

— Даже газировку?

— Даже её. Я наберу из этой вот речки ледниковую воду. Она будет получше, нежели газировка.

— Тебе в твоём журнале что-то платят?

— Я работаю забесплатно.

— А гонорары, медали, всякие грамоты?

— В подарок будет всего один журнальчик. Это — авторский экземпляр. Раньше давали по три, бывало.

— Разве это награда для человека, который пишет рассказы о приключениях в горах?

— Когда мои журналы доставляются мне, вместе с ними приходит маленькая радость.

— Как часто это бывает?

— Безрадостно.

Писак да фотохудожников сегодня очень много. Каждому из них хочется увидеть своё творение печатным. Оно им кажется самым важным, вечным. Но это не так. Мои сочинения бездарны.

— А барс, которого ты сфоткал, он получился?

— Не получился. Было морозно. Мой объектив оказался излишне тёплым. Он запотел. Барс на фотоэкране размазанный и мутный.

Чуткое детское сердце хотело принять участие в решении моих проблем. «Если живут на свете люди без газировки, значит, плохо они живут», — задумался Мирослав.

— Ты умеешь водить «Мерседес»?

— Я не вижу дороги. Я слеп от диабета.

— Я возьму тебя к себе на службу шофером... Ты, Иванович, не подумай, что надо будет водить мою машину. В школу я отвезу себя сам. Ты бы только сидел рядом со мною и получал бы деньги.

— Это была вакансия.

— Ты у меня, Иванович, никогда не останешься бедным. Договоримся?

Он поглядел на меня с надеждой.

Скоро многие люди станут работать до самой смерти только ради зарплаты, не покидая годами насиженных мест. Но это — раковая болячка. Наши чинуши вырастают в тело страны. Самые способные из них врут забитым, забытым, обиженным людям, внушая им великие возможности. Ужасно.

Мне предложили работу как дружбу. Возможно, навеки. Но я отказался:

— Мирослав, безработным останется твой прежний водитель.

Мальчишка задумался. Когда мне показалось, что этот разговор себя уже исчерпал, он осторожно спросил у меня про компьютер:

— Ты говорил, что у тебя в интернете есть какой-то сайт?

— Это правда... Я напишу тебе его адрес, ты заглядывай, если захочешь. Читай мои невесёлые рассказы и сказки.

— Значит, ты разбираешься в компьютерах?

— Не то чтобы да, но немного...

— Если тебе будет очень плохо с деньгами, ты поезжай к моему дядьке в Новосибирск и скажи ему, чтобы он взял тебя на работу в рекламу. Вот его адрес... Его визитка.

— Так он меня и принял...

— А ты объясни ему, кто тебя послал...

Я улыбнулся.

— Если мне будет совсем и очень плохо, Слава, я лучше пойду к тебе шофёром...

Спасибо.

Ребёнок решил тяжелый взрослый вопрос о трудоустройстве старого, слабого, никчемного человека. Он принял участие в моей судьбе, разбирая все возможные варианты, потому что вырос в среде деловых людей и не мог поступить иначе... И успокоился на минутку.

К нам прибежала Дашенька.

— Пойдите, — с нею прилетели собаки. — Возьмите вот это, я в столовке узнала, что ты, дедушка Саня, покинул лагерь, — в её пакете лежали кубики масла, нарезанный белый хлеб и банка сгущённого молока. — Нашу Лену положили в больницу с ногами. Макеев готовится к проверке. Он тебя прогнал. Это — правда? — спросила Даша.

— Я же первый свидетель его халатности и никчемности. Да, это правда. Он меня прогнал.

— Саня, надо вернуться. Макеев ещё не самый главный в нашей обители, — приказал Мирослав.

— А кто же самый главный?

— Я, — ответил мальчишка. — Это моя земля. Мне её подарил мой отец. Когда мне исполнится восемнадцать лет, вы увидите, здесь будет сотовая связь. Я построю огромный ретранслятор. Он будет стоять на этой горе, в которой пропасть. Обе встреченные горные будки я отремонтирую и покрашу. Верну на место жюмар, немцу поставлю новый великий крест, побольше, чем прежний, он для меня не немец, а друг. И наведу два настоящих моста, а в нашей пещере я сделаю главную базу для отдыха людей, приехавших в горы. И канатную дорогу построю.

— А если вернутся снежные люди? — тихо спросила Даша. — Им надо где-то жить.

— Они останутся людьми. Мы с ними договоримся.

Я давно не мечтатель, я — прагматик. Я напоследок раскрыл великую тайну.

— Мирослав, в ту минуту, когда вы меня вытаскивали из пропасти с разбитым лицом, я понял, как бездомные лошади попали в эту долину.

— Как? — удивились дети.

— Это — пологая гора. Лошади поднялись по склону и перепрыгнули пропасть.

— Я бы не догадалась.

— А пока до свидания, Дашенька. До встречи, Слава. В лагерь я сегодня не вернусь. Я устал от хождений, хочу к себе домой, а вам пора обратно. Или ещё не нагулялись?

Они ушли, а собаки долго бежали со мною рядом. Уже на тракте меня подобрал автобус. Около дня я добирался до Абакана, и в городе упал, задыхаясь от едкого смога.

PS. Рассказы о первом восхождении:

В ОПАСНОМ КУЛУАРЕ

Рассказ 1. «СОВА»

— Ты сходи, поучись. Это не горы, конечно, но всё же... Дополнительные знания, навыки... Побольше узнаешь о страховке...

Вовка, мой собеседник, в прошлом покоривший не одну большую вершину, имел спортивный разряд по альпинизму и с пренебрежением относился к пологим холмам, окружающим город. Отроги Уральских гор невысоки, но при желании можно найти стены для навешивания веревок. Мы поочерёдно вертели в руках газету с объявлением о наборе в школу спасателей. В программе обучения говорилось о промышленном альпинизме. Я уже выполнял работы с верёвок, но систематических знаний не имел. Мне было тридцать восемь лет.

Контора, где обучали этому ремеслу, называлась «Сова». Бдела она и днём, и ночью, помогая людям открывать случайно захлопнутые двери. Кроме этого, её дежурные выезжали по вызову к больным. В служебном наряде были врачи. Первое время «Сова» не платила налоги, но её учредители поменяли афишу, едва их льготы закончились. Сегодня они выполняют несложные водолазные работы. Отмывают

какие-то копейки, выделяемые из бюджета на защиту экологии; рисуют карты дна и величают себя «Выдрой», а тогда вечерами мы крепили верёвки на крыши многоэтажек и поднимались по ним, используя жюмары, а также постигали тайны человеческого великодушия за партами, изучая способы оказания первой помощи пострадавшим. Пересчитывали ребра под кожей друг у друга в поиске сердца, делали массажи, уколы, накладывали бинты в местах возможных кровотечений. Эти занятия проходили в классе гражданской обороны. Вёл их патологоанатом. Я задавал ему каверзные вопросы, мешая достойно излагать материал. Он тушевался, поскольку был моложе меня.

— Вот сходим в морг и посмотрим на деле, что такое анатомия человека, — пугал учитель в такие минуты. Но на эту замечательную экскурсию я не попал. В цехе случилась авария, и две недели мы работали без выходных.

— Ну, как вы там? — ехидно спрашивал я потом товарищей по учёбе. — Резали трупы? Держали скальпель? Нашли второе сужение трахеи?

Они морщились.

— Надышались, нагляделись... Ты лучше не спрашивай.

Врач лукаво посмеивался, прислушиваясь к беседе.

— У меня к вам предложение, — сказал он как-то на переменке. — Дома, я знаю, у многих есть животные, — и попросил принести в класс для опыта какую-нибудь «зверюшку», прежде чем её зарезать.

— Зачем? — удивился кто-то.

— Я помещу её сердце в физиологический раствор, и вы увидите, как оно ещё долго будет биться.

В завершение он поведал историю о том, как однажды во время его учёбы в институте на глазах у группы студентов профессора вернули к жизни мужчину, попавшего под машину.

— Не живут с такою травмой ни минуты! Тяжёлыми шинами поперёк человека... Десять тонн, — захлёбывался рассказчик. Я сочился потом, представляя аварию. — И чудо произошло!.. Врачи собрали этого человека. «Он всё равно умрёт, — заметил самый главный профессор. — Но мы показали вам силу медицинской науки». «Труп» на столе не согласился с великим учёным, очухался и сказал: «Я буду жить», — но тут же скоростно скончался. Это была безнадёжная, учебная операция.

— Я люблю свою кошку, — вздохнула Эльвира, — я не отдам её в злые руки на растерзание вампирам.

Городские люди — мы никогда не выращивали животных на мясо и неправильно поняли предложение врача. Наш учитель спохватился:

— Ну, конечно, не кошку... Может быть, курицу, утку, кролика?

— Крысу, — предложила Эльвира.

— Да-а, крысу!.. Крысу не жалко, — загадели вокруг, — конечно же крысу. Есть ли у кого мышеловка?

Я вспомнил недавний разговор с сестрой (она похвасталась: «Мне один осуждённый крысу подарил. Чёрно-белую, страшную»). — «Где же она живёт?» — «В училище, в клетке, ест всё подряд») и во всеуслышание торжественно объявил собранию:

— Будет вам крыса.

На следующий день она перебирала лапками у меня на груди — доброе, остроносое животное, большаямышь.

— Я их боюсь, — призналась сестра, отдавая подарок, — а зэки носят за пазухой. Во время урока, случается, вылезет такая безобразная тварь на плечо уголовнику, и хочется кричать.

Моя сестра работает в колонии строгого режима. Серьезные у неё ученики. Показывать им свою слабость для смеха ни к чему. Она держится молодцом. Крысу ей подарили в знак особого уважения.

— Правильный зверь, Наталья Ивановна, — в назидание сказал её бывший владелец. — Вы её не бойтесь, не подведёт, не укусит... Воровское животное — честное.

— Как же её зовут?

— Лариска.

Я принёс эту подопытную крысу домой и поставил клетку с ней на подоконник. Была ли дверца открыта (я человек рассеянный) или крыса нашла защёлку самостоятельно — мне неизвестно, только ночью я проснулся оттого, что кто-то робко щекотал по лицу. Неужели Лариска?.. Первая мысль была сбросить её на пол. Но я подавил рефлекс и погладил животное. Она мне ответила лобызанием, а на следующий день я уже сам доставал крысу из клетки и играл с нею, как с котёнком. Однажды моя подопечная испортила кусок кабельной оплётки от телевизора. Торгующие вещами деляги поломали мою антенну, и матовый ящик молчал более года, стоя без дела на полу.

«Хорошо, что меня отключили от их нечестных новостей и реклам, а то бы шарашнуло тебя, Лариска, током», — заметил я крысе.

«Я не плачу за фальшивую пропаганду...»
Мы беседовали на равных. Добрая тварь.
— Где же обещанная крыса? — поторопил меня учитель.
— Пускай кто-нибудь курицу принесёт.

Рассказ 2. ПИК «СОЛНЕЧНЫЙ»

Прошло полгода. По итогам учёбы в школе спасателей меня зачислили в резервисты. Но знания были ничтожны, и я отправился в настоящие горы. Почти на краю земли, где начинаются реки, находился альплагерь «Солнечный». В нём было несколько бревенчатых избушек и палатки. Едва начинался сезон восхождений, альпинисты спешили сюда учиться и работать. Они поклонялись горам и покоряли вершины.

— Я твой инструктор, — представилась мне девица лет двадцати пяти. — Я — Лена, — рядом лежала пушистая лайка и грызла большую кость. — Ты зачем пришёл в наши горы? Кто ты? Я по образованию — юрист, а начальник лагеря — гляциолог. Он изучает ледники и пишет научную работу о запасах пресной воды в природе. Самая чистая вода в мире находится здесь.

Я в свою очередь рассказал о промышленных трубах, ремонтом которых занимался много лет, о горячих печах, где приходилось работать, не снимая суконки, сделал акцент на том, что они никогда не остывают ни на минуту. Показал на пожухшие уши, обожжённые сквозняками, гуляющими внутри этих труб, и пояснил, что устал от жары и ищу прохлады на воле.

— Прохлаждаться ты здесь не будешь, — отрезала Лена. — Это не пансионат.

В это время рюкзак у меня за спиной зашевелился. Лайка насторожилась. Моя умная крыса освободилась из плена и нашла дорогу на волю. Шевеля усами, она осторожно выглянула на свет. Лена пронзительно закричала. Её собака вскочила на все четыре лапы и залаяла, истекая слюной. Крыса стремительно нырнула назад в убежище, в рюкзак, оцарапав меня когтями.

— Что это было? — спросила Лена.

— Крыса, — ответил я, вытирая на шее кровь.

— Такая страшная... Откуда она взялась?..

— Из тюрьмы, — и я поспешно рассказал о том, как учился на спасателя.

— Чтобы я её не видела никогда, — распорядилась девица.

— Она же ручная, добрая...

— Я кому говорю?

Отдыха я действительно не знал. Начались тренировки. Изучение особенностей горного рельефа, увязка страховочной системы, верёвочные узлы и учебные транспортировки больных проходили на новом уровне — на действительном полигоне. Хороший у меня был прежний наставник патологоанатом. В лагере я многое вспомнил и закрепил трудом. Новая учёба и акклиматизация прошли успешно. Было совершено два несложных групповых восхождения, и на завтра меня ожидал ледовый маршрут с настоящей страховкой.

— Я не пойду с ним, — заявила Лена начальнику лагеря и пояснила: — Он очень слабый, быстро задыхается и долго восстанавливает силы.

— Ты с ним пойдёшь, ты инструктор. Это твоя работа, — наказал ей начальник лагеря.

— Он тяжелый... Если что-нибудь с ним случится, я не дотяну его до лагеря.

— Ты дашь сигнал из ракетницы, мы поможем.

— У него старые кошки. Они не держатся на ботинках.

Брезентовые ремешки креплений у моих кошек подгнили и лопнули. Я их взял у Вовки, который не поднимался в горы десять лет. Лена говорила правду.

— Вы возьмёте у меня новые буржуйские кошки и подгоните их.

Начальник лагеря выложил перед нами всё недостающее снаряжение.

— И затем эта ужасная крыса из тюрьмы, — безнадежно вздохнула Лена, поняв, что меня всё-таки придётся тянуть к вершине. — Да и сам он — чёрный, небритый, злой.

— Как я, — улыбнулся начспас, почёсывая пальцами свою косматую бороду, и, повернувшись ко мне, сердито закончил: — Крысу не брать!

Вечером я долго подгонял новые кошки под ботинки. Тряс их, ударяя зубьями об стену — держались. Почти всю ночь не спал, мешая соседям, а утром был разбужен пинками: вставай и — на сбор! Выход в четыре ноль-ноль. Про крысу я забыл. Она прижилась у меня в палатке под боком и по ночам гуляла по лагерю, осваивая мир высокогорья. Каши ей было мало, как-то она обнаружила в соседнем доме подспорье — прошлогодние кедровые шишки. Проживающие там работники оказались покладистыми и добрыми людьми. Они терпимо относились к шороху на полках.

Подойдя к языку ледника, мы с Леной синхронно вздохнули и заглянули друг другу в души. Проверили снаряжение: страховочную систему, «железо», кошки.

— Готов? — спросила она.

— Готов...

Я не спеша развешивал на обвязке ледовые причиндалы, карабины, оттяжки.

— Вяжемся, когда ледник будет круче... Это самая ответственная часть маршрута.

Смотри, не зевай, не суетись.

— Хорошо. Я спокоен.

Лена критически оглядела меня, вернуться в лагерь было ещё не поздно.

— Вперед!.. И опусти очки — ослепнешь. Старайся всеми зубьями кошек одновременно касаться поверхности льда.

У меня был хороший инструктор. Ледовые крючья я заворачивал по самые «уши». Мокрые руки мёрзли. Я менял перчатки. Однажды споткнулся и упал. Моя наставница подстраховала меня верёвкой.

— Я прошу тебя, — задыхалась она от крика, — сгибай колени во время падения кошками вверх, а то зацепишься ими об лёд и разобьёшься ещё сильнее...

Вдруг я догадался, что крыса находится в рюкзаке. Во время очередного падения послышался скрежет её когтей и писк. «Как ей должно быть плохо на этой ухабистой дороге», — подумал я.

Солнце уже стояло высоко, когда мы ушли с ледника и оказались на каменном склоне.

— Теперь ещё немного, — успокоила Лена. — Основная часть маршрута уже позади.

Кошки я аккуратно снял и обмотал их рогожей, чтобы они нечаянно не поранили в рюкзаке мою любимицу — крысу. Немного отдышавшись, передохнув, мы продолжили восхождение. Стоя на промежуточном гребне, я увидел пройденный ледник от языка до вершины. Он показался мне крутым и горбатым.

— Ты видишь, какой ужасный подъём мы прошли? Это ты его сделал, — с уважением отметила Лена.

— Я очень устал на этом подъёме.

— Потерпи немного — впереди кулуар, а где-то здесь на северном склоне есть репер. Вот там и перекусим. Геодезические знаки в горах надёжны и крепки. Их устанавливают в местах, где не бывает лавин и камнепадов, — но она не находила его.

— Странно... Может быть, он дальше?

Мы внимательно осматривали лежавшие перед нами вершины. Снег сверкал и слепил. Я щурился, бегло перебирая глазами склоны, и тоже не видел ничего похожего на геодезический знак. Только чёрная, сырая с виду скала впереди, словно мыс, вгрызалась кинжалом в заснеженное пространство.

— Не такая она крутая, — подумал я и предложил: — Лена, а может быть, вот по этому камню — по его расщелине мы поднимемся наверх? Я когда-то успешно втискивался в такие места в Крыму.

— Нет, Саша, это не Крым. Это рыхлые горы, разбитые грозами. Мы рискуем попасть в беду... Но где же геодезический знак?

Медленно огибали мы по белому полю этот суровый мыс. Заним кулуар поворачивал вправо и уже до конца просматривался маршрут — до самой вершины.

— Нет ничего...

— Мы не туда попали, — сказала Лена. Тяжёлые снежные карнизы висели над нами, как тучи, отбрасывая далёкие тени на нижестоящие камни. — А я-то думаю, почему нет ветра? Он гуляет за гребнем. А тишина-то какая!..

— Как в морге, — добавил я.

— Ты не шути, — рассердилась Лена. В это время крыса у меня за спиной запищала. Я снял рюкзак и освободил её из клетки. Лена вздрогнула. — Ты же обещал мне не брать крысу?

— Она сбесилась!.. — Лариска стремительно выскочила из плена и, вытягиваясь, как ленточка, по снегу помчалась обратно за скалы, откуда мы только что вышли. — Значит, у животных тоже съезжает крыша от недостатка кислорода? — печально отметил я в надежде на снисхождение инструктора.

Вы видели, как спасаются восходители в горах от приближающейся опасности? Как они несутся по скользкому фирну или по шаткой морене в поисках надёжного убежища от стремительно летящих с неба камней? Или от лавины снега. Как они спотыкаются на ходу, падают грудью на острые склоны, поднимаются в спешке и, раненые, опять убегают прочь от смерти, надрывая при этом лёгкие и сердце? Как оно бешено колотится — воздуха мало, из носа кровь...

— Саша!.. Бежим!.. Лавина!

Крыса и нашла среди рыхлых скал ту нишу, тот грот, куда мы с Леной успели

спрятаться, задыхаясь от боли. Спустя мгновение с неба рухнули первые камни, и целый водопад горной пыли засвистел около нашего убежища, далеко разбрызгивая липкую грязь. Толкаемая лавиной ударная волна потревожила сонные скалы. Нарастающий её шум превратился в грохот, когда неуправляемая снежная масса ухнула по месту, где остался лежать мой рюкзак.

Вскоре всё смолкло. Осторожно разгребая завалы горного мусора, я выкарабкался из нашего убежища наружу, выпрямился; колени тряслись. И когда мне показалось, что самое страшное осталось уже позади, один таки камень сорвался невесть откуда и ударил меня по каске.

Я так и не стал замечательным альпинистом. Но мне повезло. Со мною в горы ходил настоящий инструктор. Она хлопала меня по щекам, искала пульс на сонной артерии, рвала на мне одежду, освобождая для дыхания живот.

— Ты цела? — спросил я, очнувшись.

Мои липкие губы еле растягивались в розовой пене.

— Цела, — с облегчением всхлинула Лена.

— Тошнит...

— Твоя крыса умница!.. Она нашлась.

Лариска отыскала у меня в кармане кожаный футляр для очков и грызла его.

— Отдай! — потянулся я к ней. Крыса жалобно запищала.

— А тебе его жалко? — вступилась Лена. — Я думала, что ты умрёшь... Мне стало страшно!.. Ты хватал губами воздух, наслаждался, захлёбываясь от счастья, и вдруг метаморфоза. Упал лицом на камни и не дышишь. Еле-еле тебя я на спину перевернула — тяжёлый, как слон.

— Надо сделать пик Солнечный, — промямлил я, отключаясь вторично.

— Хорошо тебя камнем ударило... Ты — контуженный, — баюкала Лена.

В лагере увидели нашу сигнальную ракету, и спасательный отряд немедленно выступил навстречу. Из палатки меня в ту ночь перевели в домик, где жили инструкторы. Там было тепло и уютно. Я слышал, как Лена уговаривала начальника лагеря зачесть мне это восхождение, мотивируя тем, что основная часть маршрута была нами пройдена, что во всём виновата она одна: не нашла дорогу наверх, просмотрела геодезический знак и поздно сообразила, что мы далеко зашли...

— Если бы не его крыса — мы бы погибли.

Я лежал на спине, голова гудела от боли, бредил.

— Все-таки крепко меня зацепило камнем. Пик Солнечный... А ты, Лариска, умница, ты понравилась всем. Мы ещё с тобой поднимемся в горы...

Рассказ 3. ГДЕ ВАША КРЫСА?

— Удивительную историю вы мне рассказали, мой друг! — врач-патологоанатом медленно ощупывал большое животное. — Я полагаю, что у неё рак и — она скоро подохнет, — так принято говорить о животных. — Поездка в горы не прошла для неё бесследно. Она безнадежно простыла, штурмуя ледники вслед за хозяином, но более точный диагноз ей может поставить только врач-ветеринар, и то если ему приходилось иметь дело с крысами. А кто с ними хочет иметь дело?.. Крысы — они...

В этот момент в комнату зашёл другой человек, не слышавший этой невероятной истории.

— Бегут с тонущего корабля! — торжественно закончил он мысль врача и рассмеялся. — Они предатели!

— Неправда! — ответил я, скрывая обиду. — Крысы указывают нам путь к спасению. Вы же не знаете эту историю?..

Он достал из кармана бутылку водки и согласился:

— Может быть, вы и правы... Пить будете?

Только четыре года спустя я, наконец, нашёл время и силы опять подняться в горы и посетить альплагерь моих друзей.

— Она ждала тебя три сезона и рассказывала ученикам о странном восходителе, который на одном дыхании прошёл самый крутой ледник. «И с ним, — восхищалась она, — была его верная спутница — крыса. Она учуяла неразличимый человеческим ухом треск карниза и бросилась искать спасение, а я догадалась вовремя поглядеть наверх и побежала за ней. Крысе удалось найти убежище от летящих камней и лавины снега. Он обязательно вернётся к нам — мой первый ученик Саша, и с ним его подруга — Лариска». Вы бы видели, как волновались слушатели...

— Но почему она не приехала сейчас?

— Лена вышла замуж... Она нашла своё счастье. У неё маленький ребёнок. А вы?.. Как вы?.. Где ваша крыса?

Я молчал...